

Играют французские артисты

Театр де ля Сите начал свои спектакли в Ленинграде «Тартюфом» Мольера в постановке Роже Планшона и декорациях Рене Алльо, обнаружив незаурядную для молодого коллектива серьезность взятых на себя идейных и художественных задач. Знаменитая комедия сыграна умно и темпераментно, с гневом и беспокойством. С гневом, обращенным против бесстыдного лицемерия, с беспокойством по поводу того влияния, которое Тартюф и ему подобные оказывают на доверчивых и простодушных людей. В том, что ханжа в истолковании режиссуры и артиста Мишеля Оклера освобожден от традиционных внешних черт, заключено нечто большее, нежели простое обновление сценической традиции. В фигуре Тартюфа на сцене Театра де ля Сите можно угадать не только современника Мольера, но и тех людей нашей эпохи, которые, очевидно, хорошо знакомы Роже Планшону, — демагогов новой марки, хищников с цепкими пальцами и омерзительной душой, умеющих хорошо прятать стеклянный холод глаз и прикрывать свой цинизм мнимыми высокими принципами.

В последней сцене «Тартюфа», когда семью Оргона со всех сторон окружают облеченные полномочиями люди в черном, театр заставляет зрителя на миг испугаться того, что за спиной Тартюфа есть злые и могущественные силы. Однако самым ярким в спектакле оказалось ощущение сплоченности людей, оставшихся против власти лицемера, воюющих во имя того, чтобы милого, доброго и вовсе неглупого Оргона, каким его превосходно изображает Жак Дебарн, вырвать из-под влияния лжеца и ханжи. И этот оптимизм, определяющий все звучание спектакля, типичен для молодого театра Франции и делает ему честь.

Существенно и то, что театр оригинальным воплощением мольеровской пьесы ведет зрителя к большому социально-философским аналогиям. В образ спектакля важной составной частью входят фотополотна — картины, изображающие умирающего Христа, и не только его, но и умирающих прекрасных женщин. И начинается спектакль тем, что луч прожектора падает на одно из фотополотен — на ослабевшую кисть умирающего му-

ченика. А все действие комедии противостоит изображению страдания. Нет, как бы говорит театр, не таким путем надо идти: непотворение злу помочь не может, со злом надо бороться, — и наделяет своих героев (от умной и зоркой Доринны в исполнении Франсуазы Сенье до наивного и обаятельного Валера — артиста Ги Жаке) неуклонной решимостью. Правда, для того чтоб оригинальность оформления «Тартюфа» была еще органичнее, режиссеру и артистам следует в обрисовке персонажей и их столкновений добиться черт более острых. Но направление верное, в истолковании «Тартюфа» режиссер стремится взять большой рубеж.

Более сложно впечатление от «Трех мушкетеров». Да, конечно, неистощимый галльский юмор и виртуозное сценическое мастерство, многогранная отточенная ирония и безупречный вкус характеризуют «Трех мушкетеров» Александра Дюма... нет, не Дюма, а Роже Планшона. И эти качества спектакля не могут не увлечь. Спектакль захватывает своим молодым задором, озорством, своей праздничной театральностью. И все

же он вызывает не только восхищение, но и нечто иное.

«Три мушкетера» в Театре де ля Сите — произведение откровенно пародийное. Режиссер и артисты осмеивают и мелодраму, и театр ужасов, и романтическую драму, и академическое театральное искусство, и «условный» театр. Роже Планшон свободно обращается с чем бы то ни было, вплоть до общепризнанного. В его спектакле можно увидеть осмеяние выпендренной любовной риторики — и пародию на трагический фургон несчастной матушки Кураж, подметить насмешку над балетными штампами — и вдруг, опять-таки в пародийной сцене, узнать знаменитый эпизод одевания кардинала из «Жизни Галилея» в Берлингер ансамбле.

Но Роже Планшон осмеивает по преимуществу театральные и литературные стили, а не жизненные явления, смеется больше над персонажами разных произведений искусства, чем над социальными типами. Если среди театральных и литературных пародий в «Трех мушкетерах» и мелькает острое жало насмешки, обращенное про-

тив жизненных явлений, оно оказывается куда менее выразительным, чем осмеяние ложной красоты или фальши в искусстве. И в этом — известная ограниченность содержания блестящего по форме спектакля. Фейерверк сценического действия «Трех мушкетеров» остается только фейерверком. Из традиций народного площадного театра, воздействие которых легко ощутить в режиссуре, театр взял очень много игровой и юмористической снитки, но гораздо меньше — стихии социально-сатирической.

Хорошо понимая, что наивность героев Дюма сейчас не может не вызвать улыбки по их адресу, Планшон откровенно смеется над их подвигами, совершаемыми из преданности королеве. И все же жаль, что мушкетеры, как бы ни были миры в спектакле д'Артаньяна — Пьер Мэран, Атос — Жак Мари Лансело, Портос — Фернан Берсе и Арамис — Ги Жаке, ни разу не захватили той отвагой, самоотверженностью, благород-

ством, которыми герои Дюма привлекали молодых людей многих поколений. Осмеивая наивность Дюма, театр посмеялся и над его романтикой. Если можно так сказать, Роже Планшон вместе с водой выплеснул и ребенка.

«Тремя мушкетерами» молодой французский театр бросает вызов многому и многим в художественном творчестве. Подняв забрало, он открыто идет в бой с общепринятыми канонами старого сценического искусства. Но для того, чтобы этот воинствующий вызов был оправдан до конца, нужен не только смелый задор. Нужна своя большая позитивная программа — одно отрицание никогда не даст настоящих плодов. И хотя поиски этой программы улавливаются в «Тартюфе», полностью она может проявиться лишь в постановке прогрессивных произведений о современниках. Надо надеяться, что рожденный в окружении рабочей среды Франции театр поможет созданию таких произведений, тем самым способствуя росту и развитию современного передового искусства.

Ю. ГОЛОВАШЕНКО